

ПРИНЦИПЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ЗНАНИЯ В КОНЦЕПЦИИ Ж. ЛИОТАРА

Описан процесс изменения знания как следствие изменения дискурса; научный дискурс, рассматриваемый с точки зрения эффективности / результативности знания, более не может обладать принципами традиционной рациональности; проанализированы принципы оснований различных традиций постижения реальности; принцип легитимности знания (как и традиции) является актуальным не только в постмодернистский период. Рассмотрена проблема обоснования знания и других традиций и с точки зрения невозможности достоверности оснований.

Ключевые слова: знание; научный дискурс; легитимация; рациональность; постмодерн.

Концепция современного состояния знания, состоящая из постмодернистского дискурса, достаточно обстоятельно изложена Лиотаром. Контекстуальный анализ знания представлен этим автором с точки зрения ретроспекции: знание как система, формировавшаяся под влиянием определенных концептов, в конечном итоге само является одной из традиций, культурно-исторически обусловленных. Изменение знания – совершенно естественное следствие изменения культурного дискурса, но Лиотар в своем исследовании настаивает на изменении самой природы знания. Другими словами, теория относительности или квантовая физика, безусловно, «приняли участие» в формировании научной парадигмы, но при этом теория относительности и другие теории не изменили объекты научных изысканий физики, тогда как на современном этапе знание «выступает» как продукт высоких технологий и является неким практическим руководством к действию по реформатированию мира, т.е. известный тезис Ф. Бэкона «Знание – сила» фактически не упраздняется, невзирая на измененную природу знания, а скорее наоборот.

Девиз Нового времени об изменении мира заполняет собой культурно-исторический дискурс как минимум со второй половины XX в. настолько, что все до этого возможные альтернативы (другие традиции) отныне полностью исключаются: они объявляются бессмысленными по причине их рудиментарности. В связи с этим возникает вопрос о правомерности отрицания (на данном этапе) нововременной традиции знания и его природы: изменение мира единственно достойный результат [интеллектуальной] деятельности; обоснование же цели подобного рода изменений продолжает оставаться весьма путанным, так как, с одной стороны, человек, обладающий знанием (которое, как и было сказано, является силой), наделяется качествами и свойствами творца-преобразователя [мира], а с другой – данное преобразование (по факту – регрессивное) имеет печальную перспективу: разрушение [мира] посредством саморазрушения.

«Старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования разума и даже от самой личности, устаревает и будет выходить из употребления» [1. С. 5], – заключает Лиотар. И это возможно только по одной причине: по причине того, что «старый принцип», наделенный Лиотаром онтологическим статусом, ниспровергается прагматическим статусом (знания). Но правомерно ли с точки зрения «знание – сила» с этим соглашаться, т.е. вопрос об изменении природы знания в XX столетии может быть разрешен

только в том случае, если мы сможем сформулировать аргументы «несуществующего» прагматического аспекта новоевропейского знания. И если это не удастся сделать по причине отсутствия последних, то нам необходимо констатировать, что изменение природы знания начало происходить раньше современного периода. Однако такое положение дел отнюдь не могло исключить периодического появления теорий, онтологический статус которых обуславливал их несоотнесенность (полную или частичную) с существующим положением вещей: «Мы не принимаем в расчет ученых, чьи “приемы” были проигнорированы или задавлены иногда на протяжении десятилетий, поскольку они слишком дестабилизировали достигнутые позиции не только в университетской или научной иерархии, но и в проблематике» [1. С. 53], или: «Относительность родилась в “академии” случая, образованной друзьями, из которых ни один не был физиком: только инженеры и философы-любители» [2. С. 5]. Следовательно, парадигматическая «неуместность» периодически имеет место быть, что свидетельствует о том, что и в XXI в. природа «сверхновых» технологий не может упразднить тот слой знания, без которого последнее не может формироваться и развиваться в дальнейшем по причине его дихотомической природы и т.д.

Таким образом, безусловно, имеющая место на современном этапе попытка трансформации природы знания в глобальную систему информации, с одной стороны, является совершенно закономерным этапом развития позитивистского видения природы знания («знание – сила»), а с другой стороны, это результат, указывающий на состояние глобального кризиса данной системы (традиции), так как знание как информация лишено своего главного атрибута – аспекта видения (посылки не обуславливают заключения – состояние постмодерна как обратная сторона следствия из противоречия).

Невзирая на сегодняшний исключительно «информационный» статус знания, тем не менее, с невяроятной регулярностью актуализируется проблема легитимации научного дискурса: «Здесь легитимация – процесс, по которому “законодатель”, трактуящему научный дискурс, разрешено предписывать указанные условия (в общем виде условия внутреннего состояния и экспериментальной проверки) для того, чтобы некое высказывание составило часть этого дискурса и могло быть принято к вниманию научным сообществом» [1. С. 8].

Очевидно, одним из предположений актуализации вопроса о легитимации научного дискурса необходимо

считать ситуацию, при которой различные виды знаний (или различные традиции конституирования действительности) не обладают однозначно присущими только им «приемами» конституирования референта. Так, рассматривая различные типы знания, Леви-Стросс исключает, что рассказ (нарратив), миф, «будучи продуктом “мифотворческой способности человека”, отворачивается от реальности» [3. С. 125]. В этом и проблема: реальность как объект исследования актуальна для различных типов знания и традиций, и поскольку одна из них, начиная как минимум с XVII в., претендовала на исключительность, указывая на «обладание» *ratio*, постольку в XX в., получив «информативный» статус, наука стала испытывать необходимость в особом виде аргументах – аргументах приоритетности, поиск которых весьма неблагоприятное занятие по понятным причинам. Поэтому только легитимация дискурса знания может быть удовлетворительной, хотя это возможно лишь при упразднении статуса «исключительности» последнего.

Исходя из этого, приведем следующий вывод Линда: «В современном обществе на смену “затертой до дыр” религии должна прийти наука, которая укажет цели жизни» [4. С. 239].

Прагматический аспект современного дискурса определяет научные цели и задачи, поэтому некая «рациональность» прошлой эпохи с точки зрения ученого-позитивиста – это некий атрибут, на смену которому пришел новый (намного более убедительный) атрибут целесообразности [системы]. В данном случае сложно не заметить, что ситуация (конституирование дискурса) развивается «по законам» гностицизма: синкретический дискурс определяет как систему в целом, так и возможности ее функционирования: «...Истинная же конечная цель системы <...> в оптимизации ее “входов” и “выходов”, т.е. эффективность <...>. Даже когда нарушается функционирование системы: забастовки, кризисы, <...> политические потрясения <...> речь идет лишь о внутреннем наведении порядка, результатом которого является лишь улучшение “жизни” системы»¹ [1. С. 11].

Таким образом, критерий *ratio* полностью смещается на задворки истории критерием эффективности. Возникает вопрос: какое отношение к данному положению вещей имеет, собственно, и имеет ли вообще, критерий рациональности? Другими словами, почему и как идея «абсолютного» прогресса сменилась идеей эффективности / результативности и почему именно последняя обуславливает «самодостаточность» системы? Возможно, система как глобальный культурно-исторический дискурс, но, бесспорно, объем данного понятия бесконечно регрессивен и принципы анализа (методология исследования) вряд ли могут быть результативными по определению?

Критерий рациональности знания абсолютизировал конкретную традицию на протяжении многих столетий, в конечном итоге данная традиция («рациональная» наука) вплотную подошла к положению дел, которые Поппер, сам того не желая, *de facto* охарактеризовал как бесконечный регресс теории: «Поппер заходит даже еще дальше. Провозглашая, что «мир каждой из наших теорий может быть, в свою очередь, объяснен

посредством дальнейших миров, описываемых последующими теориями», он делает вывод, что «учение о существенной или фундаментальной реальности рухнет». Почему рухнет? Потому, что это несовместимо с методологией Поппера?» [5. С. 60]. Не имеет ли, следовательно, бесконечный регресс теорий отношение к экзистенциальной составляющей, т.е. это «мир, в котором пережитые события становятся независимыми от человека <...> Это мир, где все случается, происходит, однако без того, чтобы это было с кем-то, без того, кто мог бы за это ответить» [6. С. 234–235].

Как известно, рациональность (контекстуальная рациональность) не нуждается в экзистенциальной составляющей, и, значит, если последняя актуализирована, то мы сталкиваемся с процессом активного разрушения контекстуальной рациональности. Чем чревато такое положение дел и как возможно аргументировать выше сформулированное? Обратимся к одному из основоположников теории постиндустриального общества Беллу: «Необходимо соблюдать конвенции: эксперт / интеллектual не обязан быть мыслителем, но должен владеть языком, понятным современному мейнстриму. Различие между экспертами, интеллектуалами и маркетологами стало очень зыбким» [7].

Изменение правил или приемов научной игры (как и любой другой традиции) невозможно вне изменения дискурса, т.е. точно так же, как и формирование последнего невозможно вне памяти и проекта: феноменологическая обусловленность дискурса конституирует его онтологию. Именно с этой точки зрения необходимо подходить и к проблеме того, что «нужно говорить об определенных вещах в определенной манере. Как, например, команда в армии, молитва в церкви <...> задавание вопросов в философии» [1. С. 10].

Таким образом, фильтры дискурса как условия его возможности всегда предопределяют правила игры и возможность / невозможность изменения, поэтому «интеллектуал-маркетолог» в эпоху постмодерна – это конвенция, определяющая современный «научный» дискурс, что, естественно, стало возможным только после «пересмотра» главного принципа научности – «рациональности» как результативности, что, в свою очередь, было подготовлено планомерным и последовательным развитием науки предшествующего периода (научное исследование, как и все другие традиции, исторично по определению) [5. С. 146].

Нарратив и знание: являются ли эти две традиции разными или в каком-то смысле это все-таки конвенция, в силу которой нам удастся «видеть» различие там, где его нет (а возможно, и быть не может)? Почему периодически система «опровержения» знания приводит нас к одним и тем же результатам – к фальсификации? И ситуация совершенно не изменяется даже если эта фальсификация обнаруживается не один раз: один из известных примеров – пифагорейская идея Филолая о вращении Земли, которая была фальсифицирована аристотелизмом в первый раз (работы Птолемея) на весьма длительный период, а попытка «реанимации» данной идеи во второй раз Коперником оказалась абсолютно «несвоевременной» и, сегодня мы можем сказать, *исторически* ложной.

И, кто знает, в свете современных «откровений» физиков – строителей адронного коллайдера – мы, возможно, стоим на пороге открытий, которые кардинальным образом в очередной раз, разумеется, изменят наши представления о происхождении Вселенной, и не объявят ли они снова о фальсификации идеи «землеобращения». (Хотя представляется немаловажным с точки зрения онтологии тот факт, что на протяжении нескольких тысячелетий актуальным для различных традиций (мир, религия, наука) остается единственный вариант «дихотомии»: покой – движение объекта (Земли).

По крайней мере, из этого следует, что астрономические знания не являются знаниями, основание которых не описано эпистемологией Маха. Компоненты данной конъюнкции таким же образом «объективны» для мифологической и религиозной космологии, как и для научной [8. С. 11].)

Итак, современное состояние знания, используя процедуру верификации / фальсификации, не может безоговорочно, т.е. без предварительного установления определенных правил и процедур интерпретации, постулировать какой-либо референт (реальность). «То, что я говорю, верно, поскольку я это доказываю; но, что доказывает, что мое доказательство верно? Научное знание требует выбора одной из языковых игр – денотативной, и исключения других» [1. С. 21, 22]. Невозможность основания доказательства (признание невозможности)² в каком-то смысле уравнивает «рациональность» знания и нарратива.

В связи с вышеизложенным представляется невозможным в дальнейшем игнорировать роль и значение спекуляций с точки зрения системы (и природы) знания нарратива. Лиотар рассматривает гумбольдтианский проект научного учреждения и приходит к следующему заключению: с одной стороны, «наука сама по себе» как саморазвивающаяся (и обновляющаяся) без «определенной цели» система, а с другой стороны, эта система, безусловно, нуждается в легитимизации, которая и обуславливает социальный аспект науки как системы знания.

Другими словами, именно легитимация науки проверяет идею «науки самой по себе», т.е. субъект познания неизбежен! И именно субъект познания, а ничто другое, приходит к констатации такого положения дел, которое Гумбольдт определяет как Дух, имеющий трехуровневое развитие (разворачивание / реализацию и т.п.): постулирование единого основания, абсолютная ориентация на *идеал* и репрезентация данного синтеза посредством некоей идеи. И все это имеет отношение, собственно, к науке и научной деятельности. [Слишком явное сходство с некоторыми научными доказательствами бытия Бога Фомы Аквинского, чтобы быть незамеченным.]

Очередная попытка рационализации нарратива выглядит необедительна, более того, она указывает как раз на то, что «логика» нарратива обладает достаточно высоким уровнем *ratio*, т.е. нарратив не всегда иррационален, и известный раннехристианский тезис, приписываемый Тертуллиану: «Верую, ибо абсурдно», не может быть применим ко всей области нарратива, так же как и к области спекулятивного знания.

Легитимация же имеет место как в случае рассказа, так и в случае знания (доказательства): мы отрицаем некое положение дел как невозможное, несущественное и т.д., и при этом не имеет значения, как называется данная языковая игра. Необходимость признания «рациональной» системой знания первоначала при актуальном регрессе в бесконечность, таким образом, указывает нам на необходимость принятия основополагающей установки субъектом познания: «Верую, ибо абсурдно».

Эпистемологический аспект спекулятивного знания указывает и на некоторые проблемы тавтологического свойства: «Современный герменевтический дискурс исходит из того же предположения, которое в конечном итоге обеспечивает ему некоторую познавательную ценность и таким образом сообщает свою легитимность истории и, в частности, истории познания. Высказывания взяты как автономны их самих и помещены в движение, где им разрешается взаимно порождать друг друга, – таковы правила спекулятивной языковой игры» [1. С. 29] и «Спекулятивные изложения <...> скрывают своего рода обусловленность в отношении к знанию <...> В своей непосредственности денотативный дискурс, направленный на некий референт (живой организм, химическое свойство, физическое явление и т.п.), сам по-настоящему не знает того, что считает известным для себя позитивная наука – это не знание! А спекуляция питается его устранением» [1. С. 32].

Таким образом, легитимация объяснения посредством объясняемого приводит нас к утверждению *безосновного* знания, следствием чего является кризис позитивистской парадигмы. Попытки сведения так называемых оснований к аксиомам также оказались тщетными: «Но как мы можем знать, что должна содержать аксиоматика или что она содержит?» [1. С. 35].

Различные приемы / принципы формирования дискурса знания указывают на реальность кризиса постмодернистского дискурса вообще и постмодернистского дискурса знания в частности, так как парадоксы, «обнаруженные» позитивизмом, не исчерпаны, но предложены некие новые правила игры, согласно которым одновременно контекстуальность определяет истинностное значение функционирующих в ней различных элементов (высказываний, имеющих различную форму выражения) посредством принятых правил и наряду с этим определяет / постулирует легитимность последних: «Этому новому положению, безусловно, соответствует главное перемещение в представлении об обосновании» [1. С. 36].

Перформативность «языковых игр» Л. Витгенштейна, на которую указывает Лиотар, в действительности не имеет отношения к перформативности постмодернистского дискурса. И прежде всего потому, что «языковая игра», по Витгенштейну, не может и не претендует на статус абсолютного объяснения, так как ее основополагающим элементом является конвенция, исключая экстраполяцию данной «языковой игры».

Перформативность же постмодернистского дискурса определяется степенью понимания / познания референта, т.е. в данном случае актуальной для нас уста-

новкой о поступательности процесса познания: «Перформативность высказывания – денотативного или прескриптивного – повышается пропорционально информации, имеющейся о его референте» [1. С. 39].

Таким образом, мы видим, что проблема оснований дискурса знания имеет как минимум несколько

вариантов решения, каждый из которых обусловлен конкретными критериями / установками, и степень «успешности» каждого из них не определяется «рациональностью», а зависит исключительно от степени «соответствия» (пригодности использования) данных оснований в каждой системе (парадигме) знания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 2004 г. экономисты Кидланд, Финн Прескотт, С. Эдвард получили Нобелевскую премию в области экономики за «Анализ влияния фактора времени на экономическую политику и за исследование движущих сил деловых циклов», посредством которых они за четыре года до мирового финансового кризиса обосновали, что «система» Fogex никогда не сможет обанкротиться.

² Витгенштейн: «17. На вопрос в чем состоит умозаключение, нам отвечают примерно так: “если я установил истинность предложений... то имею право записать далее...” В каком смысле я имею право на это? – Те предложения убеждают меня в истинности этого предложения, а истинно ли это? Всегда ли люди умозаключают по этим законам? И в чем состоит особая деятельность умозаключения... чем является процесс умозаключения в языковой игре?» [9. С. 10].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лиотар Ж.* Состояние постмодерна. URL: <http://www.philosophy.ru/library/lyotard/postmoderne.html> (дата обращения 23.06.2011).
2. *Московичи С.* Предисловие 221. С. 5 // *Лиотар Ж.* Состояние постмодерна. URL: <http://www.philosophy.ru/library/lyotard/postmoderne.html> (дата обращения 23.06.2011).
3. *Левин-Стросс К.* Первобытное мышление. М., 1994.
4. *Lynd R.* Knowledge for What? Princeton U.R., 1939. P. 239.
5. *Фейерабенд.* Наука в свободном обществе. М.: АСТ, 2009. 378 с.
6. *Bonveresse J.* La Problematique du sujet dans. «L'Homme sans qualites» // *Moroit (Arras).* Decembre 1978 – Janvier 1979. j. 234 & 235.
7. *Белл Д.* Рутинность «Вех». Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/about> (дата обращения 21.02.2011).
8. *Юнг К.Г.* Mysterium conjunctions (Таинство воссоединения). Минск: Харвест, 2003. 576 с.
9. *Витгенштейн Л.* Замечания по основаниям математики. Философские работы. Ч. II, кн. I. М.: Гнозис, 1994. 208 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 2 мая 2012 г.